

себя Творцу, свой труд - Творению²⁴. Символический изоморфизм, устанавливающий отношения сходства и подобия между эмпирическим и библейским, придает высокое звучание всей теме, а персонажу - сакральный ореол ("Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица").

С учением Сковороды о "срдном труде" ассоциируются характеристики и других персонажей. Например, все проделки Самосвистова объясняются тем, что этот человек не на своем месте: *"В военное время человек этот наделал бы чудес... Но, за неименьем военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали бы честным человеком, он пакостил от всех сил"* (VII, 115-116). И наоборот, молодой чиновник, "который занимался делопроизводством *con amore*. Не сгорая ни честолюбьем, ни желаньем прибытков... он занимался только потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь" (VII, 120). Он на своем поприще, поэтому служит с любовью и испытывает радость от исполнения своего долга. Разумеется, что ассоциации с учением Сковороды, как уже можно заметить, не единственные, они сочетаются с широким кругом иных представлений (с древней святоотеческой мыслью, просветительскими идеями и мотивами, вплоть до современных Гоголю социально-утопических представлений). Но именно сочетаясь вместе, они придают оригинальность гоголевской концепции поприща.

Праведное богатство

Необычно решена Гоголем и другая тема. С "трудом", занимающим ключевое место в проповедях праведников II тома, неразрывно связана тема "богатства". Гоголь своих положительных персонажей делает не только праведными в христианском смысле, но и богатыми, особенно Муразова, который владеет сказочным богатством и в то

же время является собой образец высшей нравственности. Такое соединение в контексте древней проповеднической традиции, трактующей эту тему, а также в контексте светской сатирической литературы и даже в сравнении с I томом поэмы - необычно. Евангельский совет об отречении от богатства и раздаче его бедным (Марк, 10:17-31) определил в проповеднической традиции трактовку "богатства" как препятствия для спасения души и обретения царства небесного. "Богатый" - это по преимуществу "внешний человек", "мертвая душа", как, например, у Златоуста в его противопоставлении "богатого" и "бедного". Предельного осуждения эта тема достигает в аскетической традиции, которая в добровольном отречении от всех благ мира и нищете видит высшую ступень христианского нравственного совершенства (см., например, книгу Фомы Кемпийского "О подражании Христу", "Лествицу" Иоанна Синайского, "Об истинном христианстве" Тихона Задонского и др.).

Между тем, учительная традиция знает и другое истолкование, которое наиболее ярко сформулировал Климент Александрийский (II-III века) в "Слове о том, какой богач спасется"²⁵. Иносказательно трактуя евангельские слова (совет Христа богатому юноше), Климент Александрийский говорит об отречении от обычного мнения о значении богатства: "Спаситель внушает своим советом юноще освободить душу от страстей, выбросить из нее все чуждое ее высокому назначению, в том числе и привязанность к богатству <...> Нет, кто, владея богатством, не поработит ему своей души и не забудется, кто в употреблении даров счаствия будет соблюдать скромность и целомудрие, ищет во всем Бога и к нему одному стремится, тот будет беден пред очами Божими и никакая зараза мамоны не прикоснется к нему"²⁶. Таким образом, к "богатому" предъявляются требования не иметь пристрастия к богатству, порабощающему душу, и разумно его использовать во благо ближним. Ср. размышления Гоголя

над этой проблемой в записной книжке 1846 г.: "Богатые, прежде всего помните, что вы владеете страшным даром. Вспомните евангельское правило о том, как опасны богатства и как трудно спасение для богатого. Но вам даны богатства, вы не имеете права от них отказаться, вы должны помнить, что вы управители у Бога" (IX, 562).

Этим требованиям и пониманию отвечают Костанжогло и особенно Муразов, напоминающий о высоком назначении человека и пагубности ослепления "имуществом", о необходимости приобретения иного, небесного имущества, "которого никто не может украдь и отнять" (VII, 113). Небесное имущество, "которое никто не может украдь и отнять" - евангельский мотив (Матф., 6:19-23), знакомый уже по I тому. Земное имущество лишает человека духовного зрения и слуха, выступая материализацией пагубной страсти.

Риторика проповеди и утопия слова

Эпизоды II тома превращаются в назидательные "примеры" как для персонажей, так и для читателя, иллюстрируя различные положения учительной литературы. Соединенные с религиозно-моральными комментариями и сентенциями, они образуют двуличную структуру дидактического высказывания, риторизуя в целом жанр II тома²⁷. "Наличное" и "должное", "выбор" и "результат" определяют риторическое слово, предполагающее позиции 'учителя' и 'ученика', которые становятся внутренне организующей силой, иногда переходя в план открытой темы сюжета и, более того, даже Чичикова превращая в 'ученика', смиленно задающего вопросы. "Страшные" и "грозные" хтонические учителя раннего Гоголя трансформируются в благостных проповедников новозаветной морали. Вопросно-ответные формы занимают огромное место во II томе и разрешаются они либо ответом-